

УДК 81`255.2:821.161.1=134.3(045)

*Д.Л. Гуревич***ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ПЬЕСАХ А.П. ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ» И «ЧАЙКА» И СРЕДСТВА ИХ ПЕРЕВОДА НА ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК**

Пьесы А. Чехова «Три сестры» и «Чайка», помимо литературных особенностей, характеризуются как минимум одной языковой инновацией: речь персонажей максимально приближена к разговорной речи, типичной для образованных слоев населения. Живая нетеатрализованная разговорность придает тексту колорит повседневности и обыденности. При этом русский бытовой дискурс, в отличие от маркированной специфическими средствами художественной речи, располагает целым арсеналом прагматических средств, определяющих дискурсивные стратегии коммуникантов. Так, в русском языке, в отличие от бразильского варианта португальского, говорящий чаще подразумевает какую-то часть информации, не называя ее лексически детерминированными средствами и маркируя тем самым свою коммуникативную стратегию в данный момент, также возможна имплицитная оценка событий, маркируемая недескриптивной лексикой, или сопричастность событиям со стороны тех, кто не является непосредственными участниками действия. Такие средства, как правило, не имеют устойчивых лексических аналогов в других языках, и их перевод не всегда возможен, а если возможен, то не всегда может считаться полностью адекватным, что связано не с качеством перевода, а с законами построения дискурса на разных языках.

Ключевые слова: Чехов, перевод, русский язык, португальский язык, дискурсивные маркеры.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-762-771

Введение

Чеховские пьесы, послужившие образцом для подражания для многих драматургов XX в., отличаются рядом особенностей, среди которых можно выделить отказ от традиционной теории действия и намеренно бытовой характер речи персонажей. В самом деле, классические пьесы, такие как «Иванов», «Три сестры», «Вишневый сад», «Чайка», в сравнении с другими образцами русской драматургии середины и второй половины XIX в. (Н. Гоголь, А. Островский, М. Салтыков-Щедрин, А. Сухово-Кобылин, А.К. Толстой, Л. Толстой, среди мн. др.) не эксплуатируют классическую для европейского театра начиная со времен Античности идею действия, охватывающего всех персонажей и связывающих их отношения в едином сюжете. Изъятие из классической пьесы любого из центральных персонажей приведет к разрушению единства действия, однако этого не случится в Чеховской «Чайке» или «Трех сестрах». Как это ни странно, но устранение Маши, Ирины или Ольги, Чебутыкина или Тузенбаха в «Трех сестрах», равно как и устранение Медведенко, Треплева или Дорна в «Чайке» не будет иметь критического значения для конструкции пьесы и ее драматургического восприятия, а только видоизменит. Свободная конфигурация персонажей при видимом отсутствии действия в традиционном драматургическом понимании, при котором сюжет проходит через обязательные для классической пьесы завязку, кульминацию и развязку, создает ощущение того, что сценическое действие является как бы записью на видеопленку повседневных отношений нескольких людей, связанных семейными, соседскими или профессиональными узами. Взаимодействие таких персонажей, скажем так, совсем «не обязательно», интриги как таковой нет, а есть как бы случайное попадание в кадр некоторых людей в некоторый момент своей жизни. Разумеется, трактовка драматургического действия, сделанная подобным образом, не случайна. Чехову, по всей вероятности, было необходимо лишить свои пьесы излишней театральности, сделать свой театр менее площадным, менее зрелищным, если угодно, менее Шекспировским. Тихие, почти монотонные интонации, не всегда объяснимые всплески эмоций, никаких эффектных слов или жестов, – стандартные для Чеховских персонажей вербальные средства взаимодействия.

Подобная стилистика требовала от автора соответствующего языкового инструментария. Таким инструментарием стал разговорный язык, применявшийся при повседневном общении представителей образованных слоев населения, а точнее, его имитация в художественном произведении, которым является театральная пьеса. Разговорный характер Чеховских диалогов, максимально приближенных к реальному обиходно-разговорному стилю, придает пьесе колорит повседневности, обы-

денности, создает эффект подслушивания разговоров в чужом доме, куда зритель заглянул как бы через окно. Однако человеческая речь, и особенно разговорная речь, обладает характеристиками, присущими определенным социальным группам и целым этносам, которые Д. Гумперц и Д. Хаймс называли «этнографией речи» [8]. Эти характеристики являются исключительно важными для максимально полного и исчерпывающего анализа речи, на что указывал У. Лабов, говоря о необходимости учитывать в лингвистическом описании языков или диалектов в рамках какой-либо конкретной языковой культуры такие феномены как речевые жанры (то есть типы «речевых событий», *speech events*) и взаимодействие всех компонентов коммуникативного акта, включая говорящего, собеседника, сторонних слушателей, тему, контакт/канал и контекст [10, с.184]

Логично предположить, что при переводе часть элементов построения текста, маркированных и значимых для одной культуры, будет утрачена. Речь идет в данном случае не о лингвистических особенностях, присущих с неизбежностью разным языкам, что бесспорно, а о характерных компонентах дискурса, не имеющих обязательного грамматического характера, но типичных для выбранного регистра речи на выбранном языке (например, разговорной русской речи) и в то же время не характерных для такого же регистра на другом выбранном языке (например, бразильской разговорной речи). При этом, коммуникативная роль многих необязательных, но типичных дискурсивных элементов оказывается значимой для адекватного прагматического восприятия исходного, оригинального текста. В связи с этим неизбежно возникает проблема перевода, поскольку в переводном тексте находят отражение только те языковые средства, которые являются типичными для языка, на который делается перевод. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать на примере трех переводов пьес А. Чехова «Три сестры» и «Чайка», какие средства создания дополнительных смыслов характерны для русского дискурса и как они отражаются в тексте, созданном на бразильском варианте португальского языка.

Теоретический аспект проблемы

Для дальнейшего исследования нам необходимо обратиться к теории речевых актов, предложенной, в частности, Дж. Остином и Дж. Серлем, к схеме речевого акта, разработанной Р. Якобсоном, к некоторым понятиям лингвистической прагматики и к трактовке некоторых дискурсивных маркеров в русском языке.

2.1. Речевые акты

Как известно, теория речевых актов в современном ее виде берет начало в работах Дж. Остина [5] и Дж. Р. Серля [16]. Концепция перформативных актов, предложенная Дж. Остином, позволила противопоставить констатацию некоторого положения вещей (констативы) и создание некоторого положения вещей (перформативы), последнее достигается путем эффекта от речевого воздействия. Идея достижения эффекта от произнесенных слов, какими бы они ни были (так называемого перлокутивного эффекта), повлекла за собой предположение, сделанное Остином, о том, что любое высказывание подразумевает некоторое следствие, которое имел в виду говорящий и которые «вычисляется» собеседником (импликация). Наряду с наличием такого следствия, всякое высказывание опирается на информационное предусловие (пресуппозицию), истинность которого обязательна для успешного принятия делаемого высказывания собеседником. Смысл высказывания оказывается, таким образом, несколько больше его содержания, опирающегося только на значения слов и морфосинтаксических конструкций, поскольку смысл включает в себя в том числе и невысказанное вслух, но подразумеваемое, то есть информацию, содержащуюся в пресуппозиции и в импликациях. Идеи Серля позволили противопоставить содержание высказывания и форму, в которую оно облекается (тип речевого акта), то есть противопоставить что именно говорится, с одной стороны, и с какой целью это говорится, с другой стороны, поскольку тип речевого акта указывает на цель речевого воздействия и в конечном итоге соотносится с коммуникативными задачами, которые ставит перед собой говорящий.

2.2. Схема речевого акта

Широко известная схема речевого акта, предложенная Р. Якобсоном и включающая различные функции языка, предполагает также поэтическую функцию, которую сам Якобсон считал централь-

ной и определяющей в литературном произведении, однако ее изучение невозможно вне анализа собственно языковых феноменов:

This function [the *POETIC* function of language] cannot be productively studied out of touch with the general problems of language, and, on the other hand, the scrutiny of language requires a thorough consideration of its poetic function. [...]. The poetic function is not the sole function of verbal art but only its dominant, determining function, whereas in all other verbal activities it acts as a subsidiary, accessory constituent. This function, by promoting the palpability of signs, deepens the fundamental dichotomy of signs and objects. [8, с. 356]

Металингвистическая функция языка, вначале недооцененная, и сводимая к единству словесного кода, то есть к наличию общего языка в самом широком смысле этого слова, приобретала все большую значимость по мере развития дискурс-анализа и кросс-лингвистических исследований, направленных на поиск инвариантных единиц смысла в языковых знаках, принадлежащих разным системам, то есть разным языкам. Принцип эквивалентности между содержанием текста оригинала и перевода – краеугольный камень современной теории перевода. Очевидно, что эквивалентность опирается прежде всего на металингвистическую функцию языкового кода, когда семантика слова в одном языке должна быть так и иначе соотнесена с семантикой слова в другом.

2.3. Дискурсивные маркеры

Процесс коммуникации предполагает не только обмен информацией, но и успешное ее продвижение, максимально комфортное и для говорящего, и для слушающего, в случае устной коммуникации, либо для автора и читателя, в случае письменной. При этом широко известно, что средства успешности коммуникации варьируют в зависимости от регистра речи. Так, в частности, в рамках неформального регистра, то есть устного или письменного общения не носящего официального, социально значимого характера, достаточно часто будут встречаться слова и словосочетания, не описывающие действительность ни с какой стороны, а ориентированные на говорящего или на слушающего. Такие средства, независимо от их лексической или морфологической природы, получили во многих языках общее название *дискурсивные маркеры* или *маркеры речевого общения*, а их изучению посвящена объемная литература, в том числе на русском и на португальском языках, например [1; 2; 3; 4; 10; 11; 12; 14]. Достаточно подробная классификация дискурсивных маркеров, а также (интер)тектовых коннекторов и аргументативных коннекторов для португальского языка предложена в работе И. Руте [13, с. 86-88].

Эти маркеры обеспечивают прагматическую связность текста и отражают самым непосредственным образом процесс взаимодействия между говорящим и слушающим. Они обладают рядом черт, противопоставляющих этот класс слов всем остальным. Как отмечают бразильские исследователи М. Риссо, Ж. Силва и Э. Урбано, речь идет о достаточно обширной группе слов, разнообразных в по своей природе, которым может быть приписано то или иное устойчивое прагматическое значение [12, с. 21]. Дискурсивные маркеры, будучи инструментом коммуникации, охватывают не содержательный, а интерпретационный план высказывания, они занимают внешнее положение по отношению к пропозициональному содержанию, не являясь его частью, и в то же время конституируют прагматическую связность текста, обеспечивая уместность иллокутивных установок в прагматически неоднородном контексте.

Несмотря на то, что дискурсивные маркеры не совпадают в разных языках по своей лексической или морфологической природе, они выполняют близкие прагматические функции, поскольку являются средством языкового кодирования универсальных коммуникативных инструментов. Сходство общих прагматических функций дискурсивных маркеров в разных языках не вызывает дискуссий. В то же время не всякий язык располагает инвентарем устойчивых, сложившихся на парадигматическом уровне конкретных лексико-морфологических средств, которые кодифицируют прагматическую информацию эквивалентным образом тому, как это может происходить в другом языке. Иными словами, маркеры дискурсивных стратегий, характерные для одного языка, не всегда могут быть адекватно представлены в другом языке. Либо их представление не опирается на какую-то лексически устойчивую языковую единицу, имеющую инвариантное прагматическое значение, понимаемое вне контекста.

В следующем разделе будут рассмотрены средства перевода некоторых русских дискурсивных маркеров, неоднократно встречающихся в тексте пьес А. Чехова и имеющих в русском языке достаточно устойчивое прагматико-дискурсивное значение.

Анализ и результаты

3.1. Анализируемые тексты

В работе проанализированы пьесы А. П. Чехова: «Три сестры» и «Чайка» и их переводы на бразильский вариант португальского языка. Для анализа пьесы «Три сестры» были взяты оригинальный текст на русском [17] и два перевода: перевод, выполненный Эдлой Ван Стеен [19], и перевод, выполненный Тиезой Тисси Барбоза в рамках научного диссертационного исследования сценографии К.С. Станиславского [18]. Для анализа пьесы «Чайка» был взят оригинальный текст на русском [17] и перевод, выполненный Рубенсом Фигейреду [20]. Отметим, что переводы Э. Ван Стеен и Р. Фигейреду выполнены профессиональными писателями и переводчиками, а перевод Т. Тисси Барбоза выполнен не в рамках издательского проекта, подразумевающего коммерческую ценность текста, а в рамках научного исследования по истории и теории сценографии и К. С. Станиславского для первой постановки «Трех сестер» в Московском Художественном Театре.

3.2. Анализируемые дискурсивные маркеры

Для анализа были отобраны следующие дискурсивные маркеры русского языка: *только*, *просто*, *все-таки*, *все же*, *у меня*, *у нас*, *у вас*. Выбор объясняется их универсальностью, не зависящей от жанровых особенностей текста, могущего иметь как художественный, так и обиходно-разговорный характер, а также высокой частотностью в анализируемых пьесах. Также был проанализирован португальский дискурсивный маркер *então* [«следовательно», «таким образом»], который широко встречается в текстах переводов. Необходимо отметить, что не все перечисленные дискурсивные маркеры выполняют только прагматическую функцию; *просто*, *значит*, *у меня*, *у нас*, *у вас* могут иметь референтную или дейктическую функцию и являются частью пропозиционального содержания. Например, «Я бы не пошел на вашем месте... Очень *просто*» – “Em seu lugar eu não iria... Muito *simples*.” (Три сестры); «Вы не знаете, что *значит* хозяйство!» – “A senhora não sabe o que *significa* administrar uma propriedade rural!” (Чайка); «*У меня* дочь больна немножко» – “*Minha* filha não passa muito bem” (Три сестры). Такое употребление реализует дескриптивное, то есть контекстно не зависимое основное словарное значение интересующих слов и не является объектом данного исследования.

3.2.1. Дискурсивный маркер *только*

Маркер *только* имеет несколько функций в русском языке, но в проанализированных текстах были обнаружены две: 1) сужение семантического поля до одного элемента в количественном (*только* Николай) или в типологическом отношении (*только* газеты читаю); 2) негативное отношение к информации, высказанной ранее, «что угодно, но не это» (это интересно, *только* я занят). Этот дискурсивный маркер в указанных значениях встречается в пьесах десятки раз, что говорит о его частотности в речи. В большинстве контекстов он выступает в функции сужения семантического поля и имеет регулярные аналоги в португальском *só*, *apenas*.

(1)

Одной рукой я поднимаю *только* полтора пуда. (Три сестры)

Com uma mão levanto *só* um pud e meio (Пер. Ван Стеен)

Com uma mão eu levanto *só* um pud e meio (Пер. Барбоза)

(2)

Я вас не помню, собственно, помню *только*, что вас было три сестры. (Три сестры)

Na verdade me lembro pouco das senhoras, sei *apenas* que eram três irmãs. (Пер. Ван Стеен)

Eu não me lembro da senhora, propriamente, lembro-me *apenas* que eram três irmãs (Пер. Барбоза)

В тех случаях, когда *только* встречается в тексте в значении маркера негативного отношения к информации, он нередко переводится с помощью противительных союзов *mas* или *porém* («но»; «однако»), что существенно упрощает семантико-прагматический контекст.

(3)

Хорошо, я пойду, *только* отстань, пожалуйста... (Три сестры)

Está bem, eu vou *mas* me deixe em paz, me deixe em paz, por favor. (Пер. Ван Стеен)

Está bem, eu irei, **mas** fique longe, por favor... (Пер. Барбоза)

(4)

Меня оберегали от труда. **Только** едва ли удалось оберечь, едва ли! (Три сестры)

Preservaram-me do trabalho. **Porém**, não conseguiram me afastar dele por completo. (Пер. Ван Стеен)

Protegeram-me do trabalho. **Mas** eu duvido que tenham conseguido, duvido! (Пер. Барбоза)

(5)

Хорошо, **только** через десять минут будьте на местах. (Чайка)

Muito bem, **mas** estejam em seus lugares daqui a dez minutos. (Пер. Фигейреду)

(6)

Кроме тебя, теперь у меня никого не осталось. **Только** зачем, зачем ты поддаешься влиянию этого человека? (Чайка)

Agora, não tenho mais ninguém, só voce. **Mas** por que, por que você se submete à influência daquele homem? (Пер. Фигейреду)

В примерах (3) – (5) переводчики выбирают противительные союзы, соответствующие русским «но» и «однако», которые лишь отчасти коррелируют с русским *только*. Прямая замена *только* на «но» или «однако» возможна в (4) и (5), но невозможна в (3), что говорит о более емкой семантике маркера *только* по сравнению с семантикой собственно союзов. Русская фраза, помимо значения противительности, предполагает негативную оценку информации в левом контексте, особенно это заметно в (3) и (5), где вынужденный характер согласия подчеркивается маркером *только*. Португальские противительные союзы *mas* и *porém* логически противопоставляют части предложения, в чем выражается их основная логико-синтаксическая функция, но никакой оценки, положительной или отрицательной, они не несут. В этом, собственно, и заключается разница между союзом как маркером логико-синтаксических отношений и дискурсивным словом как маркером в том числе субъективного восприятия информации. Эта разница очень наглядна в (6), где маркер *только* подразумевает отсутствие рационального ответа на задаваемый вопрос; его замена на союз типа «но» или «однако» подразумевала бы возможные ответы, что и происходит в португальском переводе с помощью противительного союза, который, таким образом, несколько изменяет прагматику фразы.

Примерно в четверти случаев дискурсивный маркер *только* не отражен в переводах, как, например, в (7) – (8).

(7)

И **только** растет и крепнет одна мечта... (Три сестры)

E **Ø** anseio cada vez mais e mais... (Пер. Ван Стеен) [Знак «Ø» обозначает отсутствие элемента]

(8)

Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вам вредно пить. (Три сестры)

Ø Escute aqui, nada de bebida hoje. Ouviu? Beber lhe faz mal. (Пер. Барбоза)

Следует иметь в виду различия в переводческих стратегиях. Перевод Т. Барбоза, хотя не является профессиональным, стремится отразить максимально точно прагматические компоненты значений иногда даже в ущерб легкости восприятия португальской фразы. Перевод Э. Ван Стеен и перевод Р. Фигейреду, сделанные профессионально, преследуют разные цели: перевод и адаптация Э. Ван Стеен ориентирована на коммерческое использование драматического текста, с чем связаны некоторые сокращения, особенно в том, что касается нетипичных для португальского языка прагматических средств; перевод Р. Фигейреду, наиболее качественный из проанализированных, следует классическому принципу адекватности, соотношение точности и приемлемости в нем наиболее сбалансировано. Тем нагляднее системное опущение во всех трех переводах эквивалентов дискурсивного маркера *только*.

3.2.2. Дискурсивный маркер *просто*

Этот дискурсивный маркер в анализируемых пьесах имеет общее значение абсолютизации вещи, действия или признака и может реализовать два частных значения: 1) «не более, чем» (это *просто* капризы); и 2) «не менее, чем» (это *просто* безнравственно). Маркер *просто* регулярно встречается в «Трех сестрах». Следует отметить, что значение «не более, чем» хорошо коррелирует с порту-

гальскими прагматическими эквивалентами *apenas* и *simplesmente* (буквально, «только», «всего лишь» и «просто»), что и отражено в переводах.

(9)

Так и послала без адреса, **просто** в Саратов. (Три сестры)

Tivemos de remeter o telegrama sem o endereço, **simplesmente** a Saratov. (Пер. Ван Стеен)

Só que não se lembrava do endereço. Remeti **apenas** a Sarátov. (Пер. Барбоза)

В значении «не менее, чем» маркер *просто* переводится менее устойчиво: он либо опускается, либо переводится оценочными наречиями из верификативной шкалы, типа *realmente*, *sinceramente* («действительно», «на самом деле», «откровенно говоря», «правда»). Такие наречия усиливают истинность сообщаемого, на взгляд говорящего, но не абсолютизируют феномен, противопоставляя его всем остальным подобным, как это происходит при употреблении маркера *просто*. Понятно, что речь не идет об ошибках переводчика, а именно о семантических закономерностях языка перевода.

(10)

Иван Романыч, у вас **просто** стыда нет! (Три сестры)

Ø O senhor não tem vergonha, Ivan Romanitch? (Пер. Ван Стеен)

Iván Romátich, você **realmente** não tem vergonha! (Пер. Барбоза)

(11)

В приличном светском обществе ты, я тебе прямо скажу, была бы **просто** очаровательна, если бы не эти твои слова. (Три сестры)

Você é tão bonita, encantaria a todos num ambiente fino, não fossem suas maneiras. **Sinceramente**. (Пер. Ван Стеен)

Você encantaria a todos Ø numa alta-roda, se não usasse essas palavras. Estou lhe dizendo. (Пер. Барбоза)

3.2.3. Дискурсивные маркеры *все-таки*, *все же*

Маркеры *все-таки*, *все же* имеют достаточно стабильное значение и выступают в уступительной либо противительной функции. Высокая стандартизованность значения этих маркеров, очевидная даже на парадигматическом уровне, когда их понимание не требует обязательной опоры на контекст, объясняет регулярность их переводных эквивалентов в португальском, который предлагает в качестве соответствий пусть разнообразные выражения, но связанные общей уступительно-противительной семантикой: *mesmo assim*, *porém*, *em todo caso* («тем не менее», «однако», «в любом случае»).

(12)

Конечно, не его дело, но **все-таки**, если хотите, то я, пожалуй, поговорю с ним. (Три сестры)

Naturalmente isso não lhe diz respeito, porém **mesmo assim**, se quiserem falarei com ele sobre isso. (Пер. Ван Стеен)

É claro, não é problema dele, mas, **mesmo assim**, se quiserem eu talvez possa falar com ele. (Пер. Барбоза)

(13)

Но **все же**, мне кажется, самое главное и настоящее я знаю, крепко знаю. (Три сестры)

Porém a mim parece que o principal, o verdadeiro, eu conheço com certeza. (Trad. Van Steen)

Mas, **em todo caso**, me parece que o mais importante e verdadeiro eu sei, tenho convicção. (Trad. Barbosa)

Вместе с тем, в ряде случаев, и нередко, *все-таки* и *все же* могут не только обозначать уступительные значения, вытекающие из соотношения смысловых частей предложения, но, скажем так, и создавать такие отношения. В примерах (12) – (13) маркеры опираются на противительную функцию союза «но» и усиливают его коммуникативную значимость путем добавления уступительно-противительного значения; их удаление из контекста не приведет к разрушению прагматической организации высказывания. В примерах (14) – (15) *все-таки* и *все же* являются единственными носителями уступительного значения, их удаление из контекста разрушило бы его прагматическую нагрузку в (14) и логико-прагматическую – в (15). Тем не менее, в переводах эти маркеры никак не отражены, что также объясняется не небрежностью переводчиков, а семантико-дискурсивными правилами португальского языка, не поддерживающими употребление уступительно-противительных маркеров

типа *mesmo assim* или *porém*, в случае если уступка подразумевается и при этом является не главным логико-синтаксическим признаком предложения, а вторичным.

(14)

Страдания, которые наблюдаются теперь, — их так много! — говорят **все-таки** об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество... (Три сестры)

Os sofrimentos que vemos hoje em dia – e são tantos! Não deixam de demonstrar **Ø** uma certa elevação moral já alcançada pela sociedade (Пер. Ван Стеен)

Os sofrimentos que hoje se observam – e são tantos! – indicam **Ø** uma certa elevação moral alcançada pela sociedade (Пер. Барбоза)

(15)

Так, мне кажется, если я и умру, то **все же** буду участвовать в жизни так или иначе. (Три сестры)

Tenho a impressão de que mesmo se morresse **Ø** continuaria a participar da vida de alguma maneira. (Пер. Ван Стеен)

Assim, se eu morrer **Ø** eu vou continuar a participar da vida, de uma maneira ou outra (Пер. Барбоза)

3.2.4. Дискурсивные маркеры *у меня, у нас, у вас*

Эти маркеры занимают особое положение, они находятся на периферии дискурсивных значений, поскольку степень их прагматизации низка и в большинстве случаев они выражают стандартное значение принадлежности, которое в переводах соответствует таким же стандартным средствам типа *estou com* (букв. «я нахожусь с...»), *meu* («мой») и т.п.

(16)

(...) и тебе странно, когда **у меня** серьезное лицо. (Три сестры)

(...) e agora estranha quando o **meu** rosto está sério (Trad. Van Steen)

(...) agora estranha quando **estou com** um ar sério (Trad. Barbosa)

В то же время, маркеры *у меня, у нас, у вас* могут иметь не притяжательное, а прагматико-дискурсивное значение, которое можно описать как «иметь отношение к человеку *или* к ситуации», «быть сопричастным ситуации», но при этом не являться ее непосредственным участником. Такое значение можно с определенными оговорками назвать комитативным прагматическим значением. Это значение хорошо вычленяется в примере «Он *у нас* ученый», где речь идет не об обладании, а именно о сопричастности к ситуации. Это прагматическое значение не является характерным для португальского, в переводах оно либо отсутствует (17) – (18), либо сводится к пространственному дейксису, типа *aquí* «здесь» (19).

(17)

(Указывает себе на грудь.) Вот тут **у меня** кипит... (Три сестры)

(*Arponta para o coração*) **Ø** Aqui dentro ferve algo... (Пер. Ван Стеен)

(*Arpontando o próprio peito*.) Está ardendo **Ø** aqui (Пер. Барбоза)

(18)

Он **у меня** сегодня нездоров. (Три сестры)

Ele não está totalmente bem hoje **Ø**. (Пер. Ван Стеен)

Ø Hoje ele não está bem. (Пер. Барбоза)

(19)

Сколько **у вас** перемен, однако! Из гостиной сделали кабинет. (Чайка)

Mas quantas novidades, **por aqui!** Transformaram a sala de visitas em um escritório de trabalho. (Пер. Фигейреду)

3.2.5. Португальский дискурсивный маркер *então*

Для анализа был привлечен один из дискурсивных маркеров португальского языка, а именно *então* «значит», «таким образом», «короче», несмотря на то, что португальские переводы вторичны по отношению к русскому оригиналу. Дискурсивный маркер *então* является одним из самых частотных и может быть описан как маркер следствия или маркер логически значимого развертывания информации [16, с. 97], совпадающий в основных функциях с русскими аналогами. Однако русские маркеры типа «значит» обладают значительно меньшей частотностью и, следовательно, менее вос-

требованы языковым сознанием. Так, во всех контекстах оригинала (11 раз в «Трех сестрах» и 7 раз в «Чайке») русское «значит» имеет переводной аналог (*então; quer dizer*). При этом маркер *então* встречается примерно в два раза чаще в любом из трех переводов, чем в оригинале. Это свидетельствует о тенденции португальского дискурса к маркированию большей, по сравнению с русским, внешней логичности изложения.

(20)

Брат, вероятно, будет профессором, **Ø** он все равно не станет жить здесь. (Три сестры)

Noosso irmão seguramente se tornará professor universitário, *então* não irá ficar mesmo aqui. (Пер. Ван Стеен).

(21)

Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, **Ø** будем же отдыхать, будем веселиться. (Три сестры)

Hoje, senhores, é domingo, dia de descanso, *então* vamos descansar, e vamos nos divertir. (Пер. Барбоза)

(22)

Все поставили? **Ø** Я начинаю... Двадцать два! (Чайка)

Todos já apostaram? *Então* vou começar... Vinte e dois! (пер. Фигейреду)

Выводы

1. Несмотря на разные критерии, применявшиеся переводчиками, есть общие черты в переводе дискурсивных маркеров: при частичном соответствии значений маркера в русском и португальском (*только, просто*) переводчики обычно выбирают более однозначный вариант, характерный для более частотного значения того и иного маркера в русском; при отсутствии эквивалентного маркера стратегии переводчиков разнятся, одни предпочитают опускать дискурсивный элемент, другие предпочитают переводить его более или менее близким маркером.

2. Плотность дискурсивных маркеров в переводе и в оригинале не совпадает, в русском тексте количество проанализированных маркеров выше. Это можно объяснить, во-первых, стремлением переводчиков сделать текст более нейтральным в стилистическом отношении, а дискурсивные маркеры, безусловно, придают тексту большую разговорность, а во-вторых, это связано с общеязыковыми особенностями русского дискурса, который в большей степени, чем португальский, опирается на импликации, для адекватного понимания которых требуется разветвленная система маркеров соответствующего типа.

3. В португальском дискурсе, в отличие от русского, есть большая потребность к выражению логических отношений между элементами фразы, что вынуждает переводчиков эксплуатировать маркер логической связи даже в тех контекстах, где в русском его нет. Характерно, что частотность того маркера в португальских переводах высока.

4. На стратегии перевода влияет адресация текста. Если перевод выполняется не с оригинала или это адаптированный перевод, то, несмотря на соблюдение содержательной точности, прагматические компоненты значения иногда упрощаются, что, вероятно, объясняется коммерческими целями, ради которых выполнялся перевод. Напротив, если перевод выполняется с оригинала и предполагает попытку максимального приближения к дискурсу языка оригинала, прагматические компоненты значения максимально сохранены, даже в тех случаях, когда фраза не будет выглядеть легкой и естественной.

5. Некоторые дискурсивные маркеры, как и реалии иной культуры и иной цивилизации, с одной стороны, ярко маркируют чужую языковую реальность («этнография речи», в терминах Д. Хаймса), с другой стороны, могут не иметь лексических эквивалентов в языке-перевода, а если имеют, то их частотность в тексте не должна быть избыточной. Системный пропуск таких маркеров в переводе приведет к упрощению «коммуникативного рисунка», в то же время нарочитое их сохранение может сделать текст перевода несколько искусственным.

6. Вариативность в переводе дискурсивных маркеров, когда один и тот же маркер языка-источника может переводиться разными средствами, свидетельствует о высокой степени необязательности данного прагматического значения в языке перевода. И наоборот, лексически устойчивый переводной вариант свидетельствует о высокой степени востребованности данного прагматического значения в языке перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. Москва: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
2. Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 1. С.10–15.
3. Киселева К. Л., Пайар Д. (Ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-сематического описания. Москва: Метатекст, 1998. 446 с.
4. Когут С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 157–163.
5. Austin J. L. How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1962. 166 p.
6. Gumperz J. J., Hymes D. The Ethnography of Communication // Special issue of American Anthropologist, 1964. 66 (6). Part II. pp. 137–54.
7. Jakobson R. Linguistics and Poetics // Т. Sebeok (Ed.). Style in Language. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1960. pp. 350-377.
8. Labov W. Padrões sociolinguísticos. (Trad. portuguesa M. Bagno, M.M. Pereira Schere, C. Rodrigues Cardoso). São Paulo: Parábola, 2008. 392 p.
9. Marcuschi L. Marcadores conversacionais no português brasileiro: formas posições e funções // Castilho A. T. (org.). Português falado culto no Brasil. Campinas: Editora UNICAMP, 1989. p. 281-322.
10. Portolés J. Marcadores del discurso. Barcelona: Ariel, 1998. 160 p.
11. Risso M. S.; Silva G.; Urbano H. Marcadores discursivos: traços definidores // Koch I. V. (org.). Gramática do português falado. Vol VI: Desenvolvimentos. Campinas: Unicamp, 2002. p. 21-105.
12. Rute I. A. A noção de padrão discursivo: textos e gêneros em análise. Tese Doutorado em Linguística. Lisboa: Universidade Nova de Lisboa, 2020. 374 p.
13. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.
14. Searle J. R. Speech acts: an essay in the philosophy of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.
15. Silva D. J. Marcadores discursivos no ensino de português-língua estrangeira (ple) no Brasil. Dissertação de mestrado. Universidade de São Paulo, 2004. 139 p.
16. Чехов А. П. Собрание сочинений. Пьесы. Т 10. Москва: Правда, 1950. 388 с.
17. Barbosa T. T. As partituras de Stanislávski para “As três irmãs” de Tchekvov: tradução e análise da composição espacial da encenação. São Paulo: Universidade de São Paulo, 2012. 598 p. (In Portu)
18. Tchekhov Anton. As três irmãs. Tradução Edla Van Steen. São Paulo: Global Editora, 2008. URL: <https://oficinadeteatro.com/conteudotextos-pecas-etc/pecas-de-teatro/viewdownload/5-pecas-diversas/109-as-tres-irmas> [Электронный ресурс] (Режим доступа 1.04.2022)
19. Tchekhov Anton. A Gaiivota. Comédia em quatro atos. Tradução e posfácio Rubens Figueiredo. São Paulo: Cosac Naify, 2010. 128 p.

Поступила в редакцию 04.04.2022

Гуревич Дмитрий Львович, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иберо-романского языкознания
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51
E-mail: caipira@yandex.ru

D.L. Gurevich**DISCOURSE STRATEGIES MARKERS IN A. CHEKHOV'S PLAYS "THREE SISTERS" AND "THE SEAGULL" AND WAYS OF TRANSLATION INTO PORTUGUESE**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-762-771

A. Chekhov's plays "Three sisters" and "The Seagull" are characterized by at least one linguistic innovation: the speech of the characters is as close as possible to colloquial speech, typical for educated people. The absence of a traditional plot and the characters' vivid and natural, "non-theatrical" speech provide for the conventional, spoken stylistic coloring of the text. However, the spoken Russian discourse, in contrast to its artificial literary imitation, has a wide range of pragmatic means that specify the discourse strategies of speakers. For example, in Russian, unlike in Brazilian Portuguese, the speaker often presupposes some part of the information without explicitly articulating it by lexically determined means, and in this way one marks his or her actual discourse strategy. By using non-descriptive lexis one can

also form implicit value judgements or mark the involvement in some actions on the part of their non-participants. Such lexical means are usually language-specific, which makes their translation a really intricate task (if possible at all), which results in discrepancies between the original text and its translations. This fact by no means undermines the translator's mission; it just highlights the difference in discourse structuring patterns that exist in different languages.

Keywords: discourse markers, translation, Russian language, Portuguese language, Chekhov.

REFERENCES

1. *Baranov A.N., Plungyan V.A., Rahilina E.V.* Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka [Guideline on Russian discourse markers]. Moskva: Pomovskij i partner [Pomovski and partner], 1993. 207 c. (In Russian).
2. *Viktorova E. YU.* Diskursivnye slova: edinstvo v mnogoobrazii [Discourse words: unity in multiplicity]. // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of Saratov University. New series: Philology, Journalism]. 2014. T. 14. Vyp. 1. S.10–15. (In Russian).
3. *Kiseleva K. L., Pajar D.* (Red.) Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-sematicheskogo opisaniya. Moskva: Metatekst, 1998. 446 s. (In Russian).
4. *Kogut S. V.* Diskursivnye markery v pis'mennom nauchnom diskurse // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2016. № 2. S. 157–163. (In Russian).
5. *Austin J. L.* How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1962. 166 p. (In English).
6. *Gumperz J. J., Hymes D.* The Ethnography of Communication // Special issue of *American Anthropologist*, 1964. 66 (6). Part II. pp. 137–54. (In English).
7. *Jakobson R.* Linguistics and Poetics // T. SEBEOK (Ed.). *Style in Language*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1960. pp. 350-377 (In English).
8. *Labov W.* Padrões sociolinguísticos. (Trad. portuguesa M. Bagno, M.M. Pereira Schere, C. Rodrigues Cardoso). São Paulo: Parábola, 2008. 392 p. (In Portuguese).
9. *Marcuschi L.* Marcadores conversacionais no português brasileiro: formas posições e funções // *Castilho, A. T.* (org.). *Português falado culto no Brasil*. Campinas: Editora Unicamp, 1989. p. 281-322. (In Portuguese).
10. *Portolés J.* Marcadores del discurso. Barcelona: Ariel, 1998. 160 p. (In Portuguese).
11. *Risso M. S.; Silva G.; Urbano H.* Marcadores discursivos: traços definidores // *Koch I. V.* (org). *Gramática do português falado. Vol VI: Desenvolvimentos*. Campinas: Unicamp, 2002. p. 21-105. (In Portuguese).
12. *Rute I. A.* A noção de padrão discursivo: textos e gêneros em análise. Tese Doutorado em Linguística. Lisboa: Universidade Nova de Lisboa, 2020. 374 p. (In Portuguese).
13. *Schiffrin D.* Discourse Markers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p. (In English).
14. *Searle J. R.* Speech acts: an essay in the philosophy of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p. (In English).
15. *Silva D. J.* Marcadores discursivos no ensino de português-língua estrangeira (ple) no Brasil. Dissertação de mestrado. Universidade de São Paulo, 2004. 139 p. (In Portuguese).
16. *Barbosa T. T.* As partituras de Stanislávski para “As três irmãs” de Tchekhov: tradução e análise da composição espacial da encenação. São Paulo: Universidade de São Paulo, 2012. 598 p. (In Portuguese).
17. *Chekhov A. P.* Sobranie sochinenij. P'esy. T 10. Moskva: Pravda, 1950. 388 s. (In Russian).
18. *Tchekhov Anton.* As três irmãs. Tradução Edla Van Steen. São Paulo: Global Editora, 2008. URL: <https://oficinadeteatro.com/conteudotextos-pecas-etc/pecas-de-teatro/viewdownload/5-pecas-diversas/109-as-tres-irmas> (Accessed 1.04.2022). (In Portuguese).
19. *Tchekhov Anton.* A Gaiota. Comédia em quatro atos. Tradução e posfácio Rubens Figueiredo. São Paulo: Cosac Naify, 2010. 128 p. (In Portuguese).

Received 04.04.2022

Gurevich D.L., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Ibero-Romance linguistics
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, 1-51, Moscow, Russia, 119991
E-mail: caipira@yandex.ru